

**ПРОБЛЕМА КСЕНОФОБИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ДИНАМИКА И АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ**

В данной статье рассматриваются проблемы ксенофобии и мигрантофобии в современном российском обществе. Проводится сравнительный анализ оценок уровня ксенофобных настроений среди россиян, полученных по результатам социологических опросов известными российскими исследовательскими центрами. Также, в статье приводится ряд экспертных мнений и некоторые теоретические подходы, объясняющие условия возникновения и распространения ксенофобии в современном обществе.

Ключевые слова: ксенофобия, мигрантофобия, уровень ксенофобных настроений россиян, причины ксенофобии.

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных государств, сложившихся на федеративной основе. Здесь проживают несколько десятков народов, каждый из которых обладает уникальными особенностями традиционной материальной, соционормативной и духовной культуры.

По этой причине идеологема «российской гражданской нации» является реальным фактором, объединяющим многонациональное население России в единое целое, и в этой связи важным является то обстоятельство, что почти четверть россиян признают существование такой нации и почти столько же говорят о возможной перспективе национального единения [1, с. 103]. Однако это не исключает появления и развития ксенофобии.

Ксенофобия по природе своей многовекторна. Будучи основана на страхе и порожденная страхом агрессии, она, как правило, не «заиклена» на каком-то одном объекте, но может быть направлена на несколько объектов одновременно или же менять направление в зависимости от ситуации. В этом смысле «этническая ксенофобия» в чистом виде — это миф. Этнофобия имеет ту же природу, что и ненависть к сексуальным меньшинствам, бомжам или просто иначе выглядящим ровесникам (характерно, что объектами нападений одних и тех же групп скинхедов часто становятся не только иноэтничные, но и социально отличные «свои» — бездомные, представители других молодежных субкультур (типа панков и рэперов — поклонников западной музыки и эпатирующих причесок) [2, с. 62].

По мнению В.И. Мукомеля, ксенофобные настроения распространены во всех слоях российского общества. По данным социологического опроса населения за 2011 год, проведенного Левада-Центром, 15 % респондентов на вопрос «Как вы относитесь к идее «Россия для русских?»» ответили: «Поддерживаю, ее давно пора осуществить». Еще 43 % считают, что «ее неплохо было бы осуществить, но в разумных пределах». Таким образом, более половины россиян так или иначе поддерживают националистические лозунги [3].

---

* © Полтараднева Е.В., 2011

Полтараднева Екатерина Вячеславовна (kameliya@mail.ru), кафедра социологии и политологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета, 443081, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара Загора, 76.

Зачастую ксенофобные настроения россиян проявляются в отношении такой группы, как мигранты. Данный феномен, являясь достаточно новым для современного российского общества, получил название «мигрантофобии».

Почему можно говорить о «мигрантофобии» как о достаточно новом явлении? Процессы миграции происходили всегда, причем в довольно больших масштабах, поэтому явление это не новое. В частности, как отмечает Ж.А. Зайончковская, «ремиграция русских — не новое явление, а давно проявившаяся тенденция, указывающая на закономерный, объективный характер этого процесса, его глубокие связи с особенностями развития республик» [4, с. 11]. Но до недавнего момента, исследуя проблемы миграции, связанной с ней адаптацией, интеграцией мигрантов в принимающее сообщество, никто из исследователей не указывает на существование данного феномена (существующие межэтнические, межгрупповые конфликты и дифференциация групп на «мы» и «они» в целом не представляют, на наш взгляд, то же самое, что и «мигрантофобия»).

Тем не менее, по результатам опроса, проведенного ВЦИОМ в 2008 г., россияне полагают, что численность мигрантов значительна: 45,4 % россиян ответили, что «мигрантов много», еще 22,1 % — что мигрантов «слишком много» в их населенном пункте [5, с. 30]. Больше половины респондентов (около 60,0 %) не желали бы видеть мигрантов среди своих соседей.

В.И. Мукомель считает, что нельзя объяснять усиление ксенофобии возросшими масштабами миграции, конкуренцией с мигрантами за ресурсы, социокультурным шоком. Причины распространенности ксенофобии глубже.

После распада СССР неопределенность, непредсказуемость и нестабильность надолго вошли в повседневную жизнь россиян. Несмотря на очевидные успехи последних лет, процесс институциональных преобразований далек от завершения. Неизбежным следствием этого является чувство неуверенности в своем будущем и будущем семьи. Приток мигрантов воспринимается россиянами как нарушение сложившегося общественного порядка, пусть хрупкого и неустойчивого [6]. Кроме того, в ситуации социально-экономического кризиса, падения жизненного уровня россиян внешнее благополучие отдельных представителей диаспор, существующих на территории России, воспринималось как несправедливое и достигнутое за счет «коренного населения» (то, что основная часть приезжих — это трудовые мигранты, которые выполняют разного рода малооплачиваемые и трудоемкие работы, естественно, не учитывалось массовым сознанием), а их сплоченность — как доказательство «мафиозности» мигрантов.

Огромную роль играет специфика нашего социального обустройства. В обществе отсутствует вера в себя, в других людей, в совместно построенные институты. Люди доверяют лишь ближайшему окружению — семье, родственникам, друзьям. Россияне убеждены, что культуры мигрантов размывают культурное ядро локальных сообществ [5, с. 31].

Жители России полагают, что приток мигрантов угрожает социальной стабильности, провоцирует конфликты между принимающим населением и мигрантами; что мигранты не уважают традиции и нормы поведения, принятые в их сообществе. По словам В.И. Мукомеля, ксенофобия — ненависть от страха. Даже если бы эти страхи были надуманы, они становятся социальной значимой проблемой, так как воспринимаются таковой общественным мнением.

От ксенофобии до ненависти и насилия дистанция невелика. В России ежегодно совершается несколько сотен нападений и примерно два десятка убийств на почве этнической ненависти. По самым осторожным оценкам информационно-аналитического центра «Сова», в 2008 году количество жертв расистского и ксенофобно мотивированного насилия составило не менее 525 человек, 97 из которых погибли [7].

По результатам исследования ФОМ в 2008 г., ксенофобия в России держится на стабильно высоком уровне: 55–60 % опрошиваемых социологами российских граждан поддерживают ксенофобские призывы. С одной стороны, это плохо, поскольку больше половины граждан в разной степени разделяют ксенофобские лозунги. С другой стороны, то, что этот уровень сохранялся практически неизменным даже после серии терактов, говорит о том, что резервы для роста ксенофобских настроений к настоящему моменту исчерпаны. Возрастание количества сторонников лозунга «Россия для русских» или увеличение численности людей, полностью разделяющих этот призыв может произойти лишь в случае резкого ухудшения экономической ситуации в России, когда вновь активно обострится конкуренция за выживание на рынке труда и ниши, занимаемые «чужаками», окажутся востребованными. В случае сокращения притока мигрантов Россия буквально через два–три года столкнется с нехваткой рабочих рук [8].

В то же время Институт общественного проектирования (ИноП) дает другую оценку уровню распространения ксенофобных настроений среди россиян. Согласно опросам общественного мнения, уровень агрессивно-ксенофобических настроений среди россиян невысок, число граждан, не просто имеющих негативные установки в отношении «Других», но готовых к «решительным» действиям в отношении представителей определенных групп или испытывающих к ним острое неприятие, колеблется, по разным оценкам, от 3 до 7 % [2, с. 62]. Как заявил руководитель ИноП Михаил Тарусин, представляя итоги социологического исследования института, «проблемы ксенофобии и межнациональных конфликтов в России искусственно раздуты журналистами». По результатам исследования ИноП, «обострением межнациональных конфликтов» обеспокоены только 2,8 % опрошенных [9].

По мнению директора Всероссийского Центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) Валерия Федорова, ксенофобические настроения распространены в России не больше, чем в западноевропейских странах, где в последние годы активно пересматриваются ценности мультикультурализма, на смену им приходит приоритет интересов «национального большинства». В. Федоров считает, что эта общая для Европы тенденция вызвана, прежде всего, ростом миграции во все европейские страны, усилившей экономические страхи населения. Комментируя данные опроса ВЦИОМ, согласно которым «76 % россиян хотят, чтобы следующий президент более жестко проводил политику в интересах русских», В. Федоров отметил, что подобные настроения, как и в Европе, вызваны, прежде всего, опасениями «конкуренции на рынке труда со стороны приезжих».

Однако как бы ни различались оценки степени негативного настроения по отношению к мигрантам, уровня «мигрантофобии» среди россиян, возникает вполне закономерный вопрос, что лежит в основе этого явления, почему именно сегодня оно вдруг заявило о себе?

Для этой цели полезным будет обращение к исследовательской области, определяемой как «социология социальных проблем». И.Г. Ясавеев, ссылаясь на Р. Фуллера и Р. Маерса, приводит утверждение, что «всякая социальная проблема состоит из объективного условия и субъективного определения». Р. Фуллер и Р. Маерс поясняют эту формулировку следующим ставшим классическим афоризмом: «Социальные проблемы – это то, что люди считают социальными проблемами, и если условия не определяются как социальные проблемы людьми, которых они касаются, они не являются проблемами для этих людей...» [10, с. 153].

Социальные проблемы населения России сконструированы главным образом в период с 1989 по 1993 гг. Множество объективных условий, существовавших и до обозначенного периода быстрой социальной трансформации, стали восприниматься социальной проблемой [10, с. 157].

В рамках нашего эмпирического исследования была предпринята попытка выявить структуру социальной идентичности в категориях «свои-чужие», а также охарактеризовать процесс формирования ксенофобных установок в сознании и структурирования в обществе категорий «свои-чужие». В исследовании в качестве информантов выступали жители г. Самары как одного из полиэтнических городов России.

Для того чтобы понять, кого люди относят к «своим» и «чужим» в современном российском обществе, мы провели глубинное полужформализованное интервью, которое состояло из трех блоков вопросов. В первом блоке обсуждалась группа «свои», где информанту предлагалось наиболее подробно описать группу. Во втором блоке к рассмотрению была представлена группа «чужие», здесь информанты в первую очередь определяли понятие «чужие». Третий блок вопросов включал разбор понятия «другие».

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы: в группу «мы» все информанты отнесли близких родственников (муж, жена, дети) и друзей, что вполне можно было предположить. «Мы» всегда связано с позитивными характеристиками. Это те люди, от которых мы получаем социальную поддержку, нас с ними связывают родственные узы, общие интересы и цели. Именно среди них мы находим «самых близких чужих», весьма болезненно переживая эту всегда неожиданную для нас «чуждость».

Также среди информантов были те, кто помимо родственных связей выделял территориальные, тем самым отождествляя себя с жителями города Самары, России и гражданином мира, что говорит о том, что часть ответивших понимают «мы» как более глобальную общность. Можно предположить, что, с одной стороны, относя себя к жителям Самары, России, мира, респондент отделяет себя от жителей других регионов, стран, но, с другой стороны, принимает все человечество в целом, чувствуя себя «частью этого всего».

Небольшая часть опрошенных фиксировала множество групп принадлежности, определяли группу «мы» как набор всех социальных статусов, как нечто зависящее от ситуации:

«В рамках меньших масштабов группы я чувствую, что я нахожусь в этой группе, но как только я выхожу из рамок этой группы, я начинаю чувствовать себя в рамках другой группы и т.д. Например, смена — цех — завод» (муж., 23).

Основной момент, который делает «свою» группу значимой это общение, любовь, поддержка, чувство единства. «Мы» держится до тех пор, пока есть понимание между людьми, общие интересы и сферы пересечения, в тоже время часть ответивших говорят о разобщенности, непонимании внутри группы. Информанты хотели бы видеть в своей группе больше терпимости, больше сплоченности и общих интересов.

«...не нравятся конфликты, непонимания, порой приходится приспосабливаться, мигрировать, искать компромиссы» (жен. 27).

Информантам задавался вопрос, может ли «свой» человек стать «другим», «чужим». Информанты вполне адекватно говорили о том, что наш круг общения постоянно видоизменяется. Это может быть связано с изменением места жительства, работы, интересов и статусов.

Таким образом, группа «мы» является конструктом, зависимым в немалой степени от социального опыта информантов. Являют информанты и понимание того, что мир, их повседневность являются изменчивыми, и нужно приспосабливаться к изменениям. Однако такую адекватность и готовность принять мир таким изменчивым, требующим собственных усилий к трансформации, информанты демонстрируют относительно группы только «своих». В более широком социальном масштабе такое

восприятие социальной действительности уходит практически в свою противоположность и требование меняться и приспосабливаться другим.

По сравнению с группой «мы» информантам достаточно сложно было определить границы группы «чужие». В первую очередь прослеживается ассоциация с врагами, недругами, людьми, которые могут навредить морально или физически, так посчитала большая часть информантов. Восприятие «чужого» как врага – это крайнее выражение психологической альтернативы «мы – они», когда «они» попадают в категорию «нелюдей», «дикарей». Вывод в этом случае всегда обобщенный и всегда один: чужой – наш реальный или потенциальный враг.

В целом для всех информантов «чужой» – это некий обобщенный абстрактный образ незнакомца. Эти люди просто физически существуют, мы знаем, вернее скорее догадываемся о них, но они не имеют к нам прямого отношения, с которыми мы непосредственно не взаимодействуем. Среди информантов никто не конкретизировал «чужих» как какую-либо социальную группу или человека, встречались только абстрактные представления, «чужой» как сфера непонятная, скрытая:

«Чужие – это все те люди, которые со мной никак не связаны. Это толпа, которая везде меня окружает» (муж. 24).

«Чужие – это те, кого я не касаюсь совсем, не вижу, не знаю» (муж. 36).

Интересно отметить, что в группу «чужие» небольшая часть информантов также отнесла и властные структуры. Это может говорить о том, что в сознании людей власть является не просто абстрактным, обезличенным явлением, а даже «чужеродным».

Часть информантов определила «чужих» как некую серую массу, с которыми мы видимся на улице, в магазине, общественном транспорте. Те, кого мы можем не заметить, не обратить на них внимания, но мы знаем, что они есть, всегда присутствуют в нашем окружении. Отношение к ним складывается либо на основе равнодушия, либо нейтрального интереса, соединенного с чувством некоторого опасения.

Чувство дискомфорта информанты испытывают при ощущении опасности со стороны «чужих», которое может проявляться в хамстве, безразличии с их стороны. В то же время респонденты способны смириться с чужими почти во всех ситуациях, будь то традиции, устои, негласные правила, нормы и ценности до тех пор, пока они не идут в разрез с ценностями информанта, пока они не касаются их личной жизни, их круга общения и до тех пор, пока нет явной угрозы со стороны «чужих». Мнение одного из респондентов:

«... главное, что бы они не мешали мне жить и не касались людей, которыми я дорожу» (жен. 41).

И все же некоторые из информантов убеждены, что «чужие» обязаны жить в соответствии с законами нашего общества, иначе они могут стать врагами.

Оценивая мнения всех информантов можно прийти к выводу, что все-таки среди опрошенных наиболее часто выражалась безразличная оценка, но отношение к «чужим» нейтрально до тех пор, пока они не начинают касаться жизни информанта, что говорит достаточно низком проявлении ксенофобии.

В то же время группа «другие» оказалась для информантов самой сложной в определении. Часть респондентов отождествляла группу «другие» с «чужими» и не различала эти два понятия.

«Чужие, другие... мне все равно. Это одно и то же» (муж. 23).

И все же многие из опрошенных дали определение «другим» как незнакомым, чем-то не похожие на них самих люди. «Другие» отличаются жизненными ценностями, приоритетами, целями даже внешне. К ним относят мигрантов, переселенцев, иностранцев и просто соседей. «Другие» похожи на нас, но они другие.

«Да такой же человек, как и я. Только не входит в круг моих интересов» (муж. 46).

«...Это люди, которых я касаюсь, но которые противоположны к моему мнению, к моим принципам, к моим занятиям или увлечениям» (муж. 23).

«Другим» может быть, с одной стороны, человек выше статусом, с другими жизненными интересами, целями, желаниями, а с другой стороны, ему приписывают качества лицемера, лжеца, злого и негативного человека, противопоставляя себе.

Разделяя понятие «чужой» и «другой», можно сказать, что основная масса информантов все-таки разделяют эти два понятия. Общее у группы «чужие» и «другие» заключается в том, что ни те, ни другие не контактируют с информантом. Но главное различие между этими группами заключается в том, что «чужой», по мнению респондентов, это потенциальный враг, недруг, а другой – это «не враг», просто он не входит в круг общения.

«Да такой же человек, как и я. Только не входит в круг моих интересов» (муж. 46).

В качестве общего информанты отмечают у «своей» и «чужой» группы то, что «все мы люди», и у всех те же основные ценности: семья, работа, досуг. Те же самые аспекты выделили при сравнении «своей» группы и «других».

Таким образом, исследование проблемы ксенофобии и получение результатов, выводов всегда зависят от того, из какой перспективы мы хотим это увидеть. Ксенофобные настроения, которыми, согласно статистическим данным, пронизана значительная часть российского общества, не являются некоей «нормой». Важными являются не просто фиксация внешних, поведенческих актов в виде конфликтов, столкновений (ксенофобных), но и понимание того, какие смыслы стоят за таким социальным взаимодействием.

Библиографический список

1. Калабанов А.Н. Этнокультурный потенциал как ресурс и фактор развития регионов и профилактики экстремизма и ксенофобии / Этнокультурные технологии профилактики экстремизма и ксенофобии: сборник материалов межрегионального семинара, Вологда-В. Устюг, 8–10 сентября 2009 г. Вологда: Правительство Вологодской области, 2009 г. URL:http://www.minregion.ru/upload/04_dmo/national_policy/100827_ms.pdf (дата обращения: 20.05.2011).
2. Хабенская Е.О. Ксенофобия реальная и виртуальная // Социологический журнал. 2010. № 2. С. 50–67.
3. Национализм в современной России. URL: <http://www.levada.ru/press/2011020407.html> (дата обращения: 15.05.2011).
4. Зайончковская Ж.А. Миграционные связи России: реакция на новую политическую и экономическую ситуацию // Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция: сборник статей. Вып. I. Программа по исследованию миграции; под ред. Ж.А. Зайончковской. М., ИНП РАН, РЭНД, 1992. С. 3–23.
5. Мукомель В.И. Ксенофобия и насилие в России: современные и грядущие вызовы // Вестник Института Кеннана в России. 2009. Вып. 16. С. 29–34.
6. Шнирельман В.А. Ксенофобия, новый расизм и пути их преодоления // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 6–19. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/data/229/902/1216/01Shnirelman.PDF> (дата обращения: 15.05.2011).
7. Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2008 году / под ред. А. Верховского. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2009/02/d15326/> (дата обращения: 17.05.2011).
8. О проявлениях экстремизма и ксенофобии в Российской Федерации в 2008 г. Доклад: мониторинг и аналитика. М.: Московское бюро по правам человека: ACADEMIA, 2009 г. 148 с. URL: http://www.antirasizm.ru/lv/publ_106.pdf. (дата обращения: 16.05.2011).

9. Проблема ксенофобии раздута журналистами, считает российский социолог. URL: <http://rian.ru/society/20061108/55456585.html> (дата обращения: 20.05.2011).

10. Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем как аспект модернизации // Социальное знание: формации и интерпретации: материалы международной научной конференции. Казань: Форт Диалог, 1996. Ч. 2. С. 152–160.

E.V. Poltaradneva*

XENOPHOBIA PROBLEM IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY: DYNAMICS AND ACTUAL CONDITION

In this article the problems of xenophobia and migrant phobia in the modern Russian society are considered. The comparative analysis of level estimations of xenophobia moods among the Russians received by the results of sociological polls by the known Russian research centers is carried out. A number of experts' opinions and some theoretical approaches which explain conditions of occurrence and distribution of xenophobia in a modern society is given.

Key words: xenophobia, migrant phobia, level of xenophobia moods of Russians, xenophobia reasons.

---

* *Poltaradneva Ekaterina Vyacheslavovna* (kameliya@mail.ru), the Dept. of Sociology and Political Science, Samara branch of the Moscow City Teacher's University, Samara, 443081, Russian Federation.